

УДК 81'27

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ЖАНРЫ ПОХВАЛБЫ, ЛЕСТИ И Т. П.?

Л. А. Месеняшина

DO THE GENRES OF PRAISE, FLATTERY ETC. EXIST?

L. A. Mesenyshina

В статье рассматривается один из спорных вопросов современной теории речевых жанров – вопрос о возможности существования в жанровой системе языка таких жанров, в состав жанрообразующих признаков которых заложено нарушение определенных норм речевого поведения. В качестве решения вопроса предлагается, по аналогии с разграничением активной и пассивной грамматик, создание «активной и пассивной грамматики» для жанрового уровня языка.

Ключевые слова: *речевой жанр; жанровая система языка; адресат, автор; текст; иллокуция, перлокуция, активная и пассивная грамматика.*

The article covers at a disputable question of modern speech genre theory: can to such genres, whose genre characteristics are contrary to any speech behavior norms exist in the genre system of the language? As an answer to this question it is proposed to creat “active grammar” and “passive grammar” at the genre level of language, similar to Shcherba’s active and passive grammar.

Keywords: *speech genre, genre system of the language, addressee, author, text, illocution, perlocution, active and passive grammar.*

В современном речеведении до сих пор остается дискуссионным вопрос о том, существуют ли в жанровой системе речевые жанры (РЖ), заведомо нарушающие максимы речевого поведения, в частности, те из них, которые вытекают из принципа вежливости, а именно: 1) максима такта: "Своди до минимума усилия других", "Старайся увеличить выгоду для других"; 2) максима великодушия: "Своди до минимума выгоду для себя", "Бери на себя все усилия"; 3) максима одобрения: "Не хули других"; 4) максима скромности: "Своди до минимума похвалу в свой адрес", "Хвали других"; 5) максима согласия: "Избегай разногласий", "Стремись к согласию"; 6) максима симпатии: "Будь благожелательным" (Дж. Лич [13]). Так, А. Вежицка признает в качестве регулярного жанр похвалбы и предполагает, что в формулу этого жанра входят следующие ментальные акты:

«Говорю: обо мне можно сказать нечто хорошее, чего нельзя сказать о других людях

Мне по этой причине приятно

Говорю это, потому, что хочу, чтобы ты был удивлен и завидовал мне» [3, с. 74]. Совершенно очевидно, что данный набор ментальных актов противоречит максиме такта ("Старайся увеличить выгоду для других"), максиме великодушия ("Своди до минимума выгоду для себя"), максиме скромности ("Своди до минимума похвалу в свой адрес") и, наконец, максиме симпатии ("Будь благожелательным").

Именно на этом основании М. Ю. Федосюк сомневается в том, что жанровая система какого бы то ни было языка может допускать существование РЖ похвалбы, так же, как жанра лести и нек. др., в состав которых входят смысловые единицы, по определению противоречащие важнейшим принципам коммуникативного поведения. Впрочем, М. Ю. Федосюк, отрицая возможность существования таких РЖ в составе жанровой системы, допускает возможность их существо-

вания в качестве узуального нарушения жанровой нормы [10], подобно узуальным отклонениям от нормы в произношении (*кофЭ, бассЭйн*) или грамматике (*ложит, красивая тюль* и т. п.).

Вопрос, таким образом, стоит шире: допускает ли жанровая система языка в принципе существование РЖ, в состав жанрообразующих признаков которых заложено нарушение той или иной нормы речевого поведения или высказывания, нарушающих эти нормы, представляют собой индивидуальные/групповые нарушения жанровых норм?

Задача настоящей статьи – предложить подход, позволяющий примирить диаметрально противоположные позиции по этому вопросу.

Прежде всего необходимо сделать ряд предварительных замечаний.

1. В настоящей работе обсуждается вопрос именно о жанрах речи, а не о жанрах общения, в противоположность подходу, принятому в жанроведении, определяющем РЖ как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [6, с. 6]). То, что принято в рамках данного направления называть жанрами общения, мы, вслед за В. Н. Волошиновым, называем «формами и типами речевого взаимодействия» [4, с. 105].

2. В настоящей работе мы исходим из того, что высказывание «ограничено сменой речевых субъектов» [2, с. 263] и существует в «устойчивых жанровых формах» [4, с. 270].

3. Мы не можем согласиться с тезисом В. В. Дементьева о том, что РЖ – это единицы «такого высокого уровня, когда стираются границы между речевым и языковым» [5, с. 53]. Разграничивая, вслед за М. М. Бахтиным, первичные и вторичные РЖ, первые мы, безусловно, относим к числу языковых единиц, образующих особый, а именно – жанровый уровень языка. Напомним, что к первичным РЖ М. М. Бахтин

относит РЖ, непосредственно относящиеся к действительности и реальным чужим высказываниям, во-первых, и непроемкие, во-вторых [2]. Вопрос о языковом статусе вторичных жанров остается открытым.

4. Понятие РЖ в нашей работе не будет носить статичного характера, оно будет уточняться и углубляться по мере изучения вопроса.

Как указывалось ранее, появление электронных средств фиксации речи создает реальные предпосылки для радикального изменения жанровой системы языка точно так же, как много веков назад появление письменности создало условия для формирования двух принципиально разных путей развития культуры и языка: один – путь создания письменного языка и культуры на основе письменности, другой – путь бесписьменного развития языка и культуры. Электронные средства фиксации речи дали возможность фиксировать реальные диалоги полностью, буквально, что породило такие радио- и телевизионные формы РВ, как диалог в прямом эфире, ток-шоу, реалити-шоу и т. п. [8]. Независимо от того, как оценивать эти формы, мы видим в них именно попытку культурного (или, скорее, цивилизационного) освоения новых материальных условий РВ. Телевидение и радио прямо называют их жанрами, поскольку это действительно «типические формы высказывания», представляющие своего рода «реплику» в диалоге со зрителем (слушателем) и, как правило, рассчитанные на ответные высказывания массовой аудитории, причем ответные реплики слушателей (зрителей) зачастую являются композиционно предусмотренным элементом жанра.

На наш взгляд, этот феномен следует расценивать как серьезное реформирование жанровой системы языка, которое неизбежно должно повлечь за собой реформирование и самой теории РЖ. В результате такого реформирования в теории РЖ должно найтись как место для основ, заложенных М. М. Бахтиным, так и непротиворечивое их развитие в связи с усложнением условий (и прежде всего материальных) РВ. Иными словами, требуется определение РЖ, не ограниченное признаком «смены речевых субъектов». Ведь, в понимании М. М. Бахтина, высказывание, являющееся речевой репрезентацией жанра, – это реплика в диалоге (неважно, какой длины реплика, – пусть хоть четыре тома), модусно непротиворечиво оформленная (хотя содержание модуса может быть при этом весьма сложным). Правда, в трудах М. М. Бахтина терминов – *модус*, *модусный*, – мы не встретим, но зато большое внимание уделяется категории экспрессивности, несомненно, являющейся важным компонентом модуса, при этом М. М. Бахтин подчеркивает, что в категорию экспрессивности он включает не только оценку данного конкретного высказывания, но и предыдущих реплик в диалоге и предвосхищение оценки речи автора со стороны адресата [2].

А новые жанровые формы в СМИ эту модусную противоречивость реплик в диалогах не только допускают, но и требуют ее именно по условиям жанра. Т. е. возникает прежде невозможный тип жанров, где сам феномен диалога – ценность более высокая, нежели ценность модусной непротиворечивости. Вместе с тем это не просто новые типы РВ – это именно но-

вые РЖ, потому что, несмотря на потенциально неограниченное количество участников диалога, у этих жанров есть и автор, ответственный, именно по М. М. Бахтину, за речь как за поступок, – это ведущий. Однако в этом качестве он далеко не вполне совпадает с образом автора в традиционных вторичных жанрах печатной речи. У последнего есть возможность (и обязанность) отвечать если не за содержание, то за форму реплик, входящих в его текст. Ведущий же отвечает только за общую оценочную рамку состоявшегося диалога и его относительную композиционную завершенность.

Появление электронных средств фиксации речи вынуждает пересмотреть и определение текста. В изменившихся условиях для «неоднократного репродуцирования» (В. Г. Адмони [1]) могут быть использованы высказывания, первоначально вовсе не предназначенные для этого. Возможность или невозможность репродуцирования высказывания перестает зависеть от авторского замысла и начинает зависеть от технических возможностей любого из адресатов этого высказывания – и даже от тех, кто в состав адресатов этого высказывания по авторскому замыслу не входил и входить был не должен. В числе таких «текстов вопреки авторскому замыслу», в частности, могут оказаться любые записи диалогов, – в том числе записи на диктофон, записи, сделанные «скрытой камерой» и т. д.

Итак, появление текстов принципиально нового типа – налицо. Но каким же жанрам будут принадлежать эти тексты нового типа? У зафиксированного диалога нет никаких признаков текста – ни семантических (модально-оценочное единство), ни композиционных. Что же, неужели действительно новейшие условия РВ позволяют появиться текстам «никакого жанра», текстам, которые не создавались ни как тексты, ни как жанры?

Но парадокс состоит в том, что высказываний «никакого жанра» не существует ни в одном типе РВ. Все, что становится репликой в диалоге (а наши «новейшие тексты» могут быть такими репликами и становятся ими), должно работать как высказывание определенного жанра. Кто, каким образом, на основании каких критериев может определить жанровую принадлежность таких «текстов»? Вот тут-то уместно будет вспомнить то, что М. М. Бахтин говорил об активности адресата: «Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно ответный характер» [2, с. 260]; «... всякое реальное целостное понимание активно ответно и является не чем иным, как начальной подготовительной стадией ответа» [2]. В таких случаях адресат сам выбирает, к какому жанру он отнесет данный текст, и отвечает на него в соответствии с теми жанровыми особенностями, которые в нем обнаруживает – или приписывает ему, – как, в сущности, он поступает в любом РВ (кроме «институционального дискурса», в терминологии В. И. Карасика [7], потому что только институциональный дискурс характеризуется относительно определенным набором жанров, определенной последовательностью их и достаточно четко определенной структурой каждого из жанров, что избавляет адресата от необходимости «угадывать» жанр того или иного высказывания).

Итак, оказывается, что диалог – не жанр (а тип РВ) для его участников, но жанр для тех, кто его воспринимает в «изъёме из непосредственного РВ виде». Для того, кто имеет возможность ознакомиться с зафиксированным таким образом текстом диалога, – это РЖ, потому что адресат в состоянии вычленил в нем (или приписать ему) определенную целеустановку и текст в полном смысле этого слова, потому что этот текст может репродуцироваться неоднократно. Признаки же композиционно-семантического единства этого текста будут приданы ему уже не автором, образ которого в этих условиях формален, а именно воспринимающим (одним из возможных, хотя и не обязательно запланированных адресатов данного текста).

Итак, мы обнаруживаем феномен, на который до сих пор не обращалось должного внимания: 1) роль адресата в решении вопроса о жанровой принадлежности того или иного высказывания оказывается не менее значимой, чем роль автора; 2) решение адресатом вопроса о жанровой принадлежности того или иного высказывания может не совпадать с решением автора этого высказывания. Разумеется, на возможность такого несовпадения обращали внимание неоднократно. Однако несовпадения такого рода обычно расценивались как частный случай коммуникативной неудачи и объяснялись разными причинами, начиная от несовпадения апперцепционной базы коммуникантов и заканчивая низким уровнем речевой культуры автора. В крайнем случае, можно было бы говорить о полевой структуре жанровой системы [9] или о жанровой омонимии.

Однако вернемся к вопросу, с которого мы начали наш разговор. Скорее всего, то высказывание, которое адресат склонен расценивать как один из оценочных жанров, а именно – как жанр похвалы, автор считает разновидностью жанра информационного типа (в классификации Т. В. Шмелевой [11]), а то высказывание, которое адресат расценивает как лесть, автор считает принадлежащим к классу оценочных жанров – жанру похвалы или комплимента. (Ведь только в русских былинах персонаж может говорить о себе «Я, собака Калин-царь, и т. д. ...», в обычной же жизни льстец не считает себя льстецом, хвастун – хвастуном и т. д.). Иначе говоря, одно и то же конкретное высказывание в глазах автора и адресата может принадлежать к разным жанрам. Но применительно к нашему случаю это несовпадение можно объяснить тем, что жанры похвалы и лести отсутствуют в авторских представлениях о жанровой системе и присутствуют в представлениях о жанровой системе, существующих у адресата.

И тут самое время вспомнить о том, что говорил Л. В. Щерба о необходимости параллельно достаточно тщательно разработанной на тот момент пассивной грамматике разработать активную грамматику. Пассивная грамматика – это грамматика адресата. Активная – грамматика автора [12]. На сегодняшний день эти две грамматики разработаны для всех уровней языка: от фонологического – до лексического и синтаксического. И мы знаем, как много проблем разграничение этих двух грамматик позволило решить. Остается разработать две разных «грамматики» для жанрового уровня языка. Тогда, возможно, и наши

представления о системе речевых жанров удастся упорядочить гораздо в большей степени, нежели они упорядочены на сегодняшний день.

По всей видимости, «активная грамматика РЖ» должна строиться, исходя из категории иллокуции, а пассивная – из категории перлокуции. Предполагается, что отношения, выражающие противопоставления между РЖ, в обеих грамматиках будут практически инвариантны, что, впрочем, не означает полной их идентичности. Последовательно выстроенная «пассивная грамматика РЖ» позволит «вычислить» слабые позиции для тех или иных РЖ, приводящие к утрате тех или иных дифференциальных жанровых признаков, к нейтрализации оппозиций между ними.

В такой «двуграмматичной» жанровой системе найдется место и новейшим речевым жанрам, обусловленным появлением новых материально-технических средств коммуникации, т. е. жанрам, функционирование которых почти неизбежно связано с асимметрией иллокутивной цели и перлокутивного эффекта, и жанрам, которые опознаются адресатом как нарушения правил речевого поведения, подобно РЖ похвалы и лести. Возможно, последние распознаются подобно тому, как распознаются слушателем регулярные, социально маркированные нарушения грамматических и орфоэпических норм: *лОжит, звОнит* и т. д. Другое дело, что на уровне РЖ, возможно, стоит говорить не только о социально, но и о нравственно маркированных нормах.

С практической точки зрения особенно важным разграничение «активной» и «пассивной» грамматик в сфере РЖ будет, очевидно, для сфер деятельности, профессионально связанных с речевой коммуникацией. В эмпирическом плане в этом отношении показательны исследования И. П. Ромашовой [9]. В ее докладе, сделанном на пятой Международной научной конференции «Языки профессиональной коммуникации» (Челябинск, 27 – 29 октября 2011 г.), приведены весьма показательные примеры работы корпораций по обучению персонала правилам речевого поведения, включающие в себя рекомендации по организации речевого взаимодействия с клиентом. В одной из таких рекомендаций пошагово описана структура институционального дискурса «Общение с клиентом», причем для каждого шага рекомендованы определенные последовательности действий, оптимальные локуции, сопровождающие эти действия, и отмечен перлокутивный эффект каждой из них. Например, для шага «Установление контакта с клиентом» рекомендуется совершить следующие действия: 1) *При появлении Клиента отложите свои дела*; 2) *Если не можете отвлечься, то извинитесь, назовите причины и время ожидания*; 3) *Посмотрите на Клиента, улыбнитесь и поприветствуйте его*; 4) *Извинитесь за ожидание* (так в оригинале рекомендации – Л. М.); 5) *Представьте и узнайте, как обращаться к Клиенту*; 6) *Уточните цель его визита и выразите готовность помочь*. Этот перечень действий дополнен перечнем высказываний, в которых последовательно рекомендуется выражать содержание предписанных действий:

1. *Добрый день!* 2. *Извините, что пришлось подождать.* 3. *Меня зовут Мария, как я могу к Вам обратиться?* 4. *Иван Иванович, чем я могу Вам помочь?*

Ожидаемый результат: Клиент чувствует, что в нем заинтересованы и хотят помочь.

На первый взгляд, перед нами еще одна, более или менее эффективная, эмпирическая рекомендация. Вместе с тем, несмотря на заметные ее недостатки, как и многих других рекомендаций такого рода (как правило, при их составлении не учитывается мнение профессиональных лингвистов-русистов), посыл таких рекомендаций весьма характерен: их составители, пусть на чисто эмпирическом уровне, стремятся показать, какие высказывания исключают возникновение коммуникативных недоразумений, исключают для адресата возможность (риск) неоднозначно определить жанр полученного высказывания и, прежде всего, его иллокуцию.

Особенно показателен в этом отношении «Список запрещенных к употреблению фраз» (т. н. «стоп-фразы»): «Вы меня, конечно, извините, но...» (1); «Что Вас еще не устраивает?» (2); «А зачем вы это сделали, если знали, что...?» (3); «Это ваша вина» (4); «Вообще-то, обычно люди заранее все делают» (5); «Я вам уже говорила» (6); «Я Вам ничего не могу обещать» (7); «Это от нас не зависит» (8); «Это же не я вас неправильно проконсультировала» (9), также приведенный в указанном докладе И. П. Ромашовой.

Каждая из этих фраз для говорящего может выглядеть вполне «безобидно». Пример (1) – не более чем один из ритуальных жанров (здесь и далее – в терминологии Т. В. Шмелевой), а именно – извинение; (2) и (3) – информативный жанр вопроса; (4) – (9) – разнообразные информативные жанры, связанные с констатацией некоторого положения вещей, на что обычно и указывают лица, использующие эти фразы. Между тем для адресата (1) и (3) представляют собой не что иное, как жанр упрека; (4) и (5) – прямое обвинение; (2) – обвинение косвенное, намекающее на то, что адресат вообще склочник; (6) – (9) – ритуальные жанры, направленные на прекращение контакта.

Совершенно очевидно, что задача «воспитывать клиента» не входит в функции персонала той или иной коммерческой структуры, точно так же, как не отвечает ее интересам стремление прекратить контакт с клиентом, поскольку это исключит из состава потенциальных клиентов не только данное лицо, но и более или менее многочисленных его знакомых, что также не служит интересам организации. Поэтому, чтобы не вдаваться в ненужное теоретизирование, авторы указанных практических рекомендаций просто накладывают запрет на их употребление.

Однако сам факт появления таких рекомендаций показывает нам, насколько практически востребована в обществе теория, которая позволила бы установить корреляции между локутивной стороной высказывания, иллокуцией его и перлокутивным эффектом, т. е., в сущности, согласующая активную и пассивную «жанровые грамматики». Кроме того, этот факт показывает, что наиболее благодарным объектом в этом отношении является институциональный дискурс. С планированием перлокутивного эффекта связана, в сущности, любая неспонтанная речь, но именно институциональный дискурс, с его фиксированным набором жанров, наиболее регламентированный как в

отношении иллокуций, так и перлокуций, и, в значительной степени, в собственно локутивном плане предоставляет нам исключительные возможности для выстраивания регулярно противопоставленных ономазиологического и семасиологического подходов к изучению жанровой системы. Это, в частности, позволит вывести обучение построению неспонтанного высказывания с надежно спланированным перлокутивным эффектом на подлинно научный, теоретически обоснованный уровень.

Литература

1. Адмони, В. Г. Система форм речевого высказывания [Текст] / В. Г. Адмони // РАН. Институт лингв. исследований. – СПб.: Наука, 1994.
2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров [Текст] / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.
3. Вежбицка, А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] [Текст]: [пер. с польского В. В. Дементьева] / А. Вежбицка // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. Монографическое издание / под общ. ред. проф. К. Ф. Седова. – М., 2007.
4. Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка [Текст] / В. Н. Волошинов. – М.: Лабиринт, 1993.
5. Дементьев, В. В. Изучение речевых жанров в России [Текст] / В. В. Дементьев // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – Саратов, 1998.
6. Дементьев, В. В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров: учеб. пособие [Текст] / В. В. Дементьев, К. Ф. Седов. – Саратов: СГПУ, 1998. – 107 с.
7. Карасик, В. И. Структура институционального дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2000.
8. Месеняшина, Л. А. Диалогический жанр? [Текст] / Л. А. Месеняшина // Вестник Челябинского университета. Научный журнал. Филология. Искусствоведение. – Вып. 46. – 2010. – № 22(203).
9. Ромашова, И. П. Динамический аспект дискурсообразования (на примере корпоративного дискурса) [Текст] / И. П. Ромашова // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики / под ред. О. С. Иссерс. – Омск: Изд-во ОГУ, 2010.
10. Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров [Текст] / М. Ю. Федосюк // ВЯ. – 1997. – № 5.
11. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация.
12. Щерба, Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе [Извлечения из книги] [Текст] / Л. В. Щерба // Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность. сб. трудов. – УРСС: Эдиториал, 2004.
13. Leech, Geoffrey. Principles of Pragmatics / Geoffrey Leech. – London; New York: Longman, 1983. – 257 p.